

Реморов Н.И.

Добрые души

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н11

Н11 **Н.И. Р.**
Добрые души / Реморов Н.И. – М.: Книга по Требованию, 2022. – 144 с.

ISBN 978-5-519-80577-3

ISBN 978-5-519-80577-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

время школьных пере́мѣнъ среди другихъ дѣтскихъ голосовъ всегда выдѣлялся ея серебристый тонкій голосъ, какъ звонокъ... Она постоянно бѣгала по классу, порхала отъ одной подружки къ другой...

«Вотъ-то мотылекъ полевой появился въ нашей школѣ!» — довольно удачно охарактеризировала ее одна наша остроумная старшуха-школьница — Таня Проскурина.

И вотъ эту Саню всѣ прозвали «мотылькомъ».

— «Мотылекъ! Побѣжимъ играть на лужокъ!» — зоветъ одна.

— «Подойди ко мнѣ, мотылекъ! Я покажу тебѣ картинку!» — кричитъ другая...

Съ той поры прозвище «мотылекъ» такъ и осталось за этой дѣдочкой среди нашихъ школьных подругъ. Но это «прозвище» употреблялось дѣтьми скорѣе въ ласкательномъ, любезномъ значеніи, а не какъ обычное уличное прозвище. И я не препятствовалъ ученицамъ употреблять его. Даже самъ иногда лаская Саньку, говорилъ:

— «Подойди же ко мнѣ, «Мотылекъ», и Расскажи намъ, что прочитала сейчасъ Дуня!..»

Санька подходитъ ко мнѣ и, улыбаясь, рассказываетъ. Я невольно любовался тогда ея стройной, изящной фигуркой...

А свѣтло-голубыя глаза ея! Какъ много было въ нихъ чего-то непонятнаго, загадочнаго! То блестять они бойко, весело, невольно привлекая къ себѣ сердце каждаго... То, видишь, вдругъ затуманились,

поблекли, какъ бы подернулись тонкимъ бѣлымъ облачкомъ среди яснаго неба... Тогда дѣвочка вдругъ безъ причины дѣлалась грустною, задумчивою... Словомъ, наша Санька было загадочный ребенокъ!

Я ожидалъ, что дѣвочка эта будетъ у меня одною изъ лучшихъ и способныхъ ученицъ. Съ первого дня она меня даже обрадовала. Замѣтилъ я, что она развита даже не по своимъ лѣтамъ: совершенно свободно, безъ застѣнчивости, рассказывала она мнѣ, какъ живетъ въ своей деревнѣ, какъ проводитъ время, чѣмъ болѣе интересуется.

Изъ этихъ ея рассказовъ я узналъ, что ее интересовало больше «Божественное». Знала она много молитвъ, которыя читала безъ искаженія словъ, любила ходить къ церковнымъ службамъ, жалѣла бѣдныхъ, сиротъ и несчастныхъ... И не по живому бы ея характеру такое призваніе у малютки!.. Въ обращеніи со своими школьными подружками она всегда ласкова, внимательна. Каждой старается помочь, чѣмъ-нибудь... Грубыхъ шалостей за ней я никогда не встрѣчалъ и всею душою любилъ этого ребенка.

Прошло недѣли двѣ. Приступилъ я со своими младшими ученицами къ обученію чтенію. По обычаю дѣти прежде всего знакомились съ понятіемъ слова «звукъ».

Моя Санька до крайности внимательна: удачно придумываетъ примѣры, объясняетъ. Разбиваетъ рѣчь на слова, слова на звуки, рассказываетъ, какой звукъ въ данномъ словѣ слышится прежде, какой потомъ... Занятія у меня шли живо и весело.

Тогда мы начали изучать алфавита со звуковъ: «а», «о» и «с» и разбирали слово *оса*...

Саня скорѣе всѣхъ подругъ раздѣлила это слово на составныя звуки, рассказала какой звукъ первый, второй, третій...

Показываю дальше дѣтямъ письменное изображеніе этихъ звуковъ, т. е. буквы. Спрашиваю другихъ дѣтей, тѣ удачно отвѣчаютъ. Показываю букву «о» и спрашиваю, наконецъ, Саньку:

— «Какой звукъ обозначаетъ эта буква?»

Дѣвочка молчитъ.

«Ну, вспомни, милая, получше! Вѣдь сейчасъ же ты ее знала и умѣла даже отыскивать въ другихъ словахъ... На *обручѣ*, на *колесо* по формѣ похожа она»!..

— «А... а... а...» — тянетъ малютка.

— «На *обручѣ* похожа»... подсказываю я... «Какой звукъ слышишь первымъ?»

— «О-о-о»! тянетъ Санька, наконецъ...

— Ну, скажи теперь: какую же букву показывалъ я?».

«Ч-ч-ч!... защебетала моя ученица...

Я поразился этому. Какъ бы съ цѣлью, съ этой минуты кто-то отнялъ память изъ головки моей новой любимицы!

Цѣлый урокъ потомъ я промучился съ Санькой и никакъ не могъ добиться, чтобы она могла запомнить изображенія этихъ первыхъ трехъ буквъ. Другія дѣвочки давно уже запомнили, писали ихъ на своихъ грифельныхъ доскахъ, одна Санька не могла

запомнить! Дѣвочка напрягала всѣ свои силы, долбила до пота, до слезъ и все не помнила ихъ...

Показываю, напр., ей *с*—она называетъ *о*, показываю *о*—называетъ *а* и т. д... Вотъ думаю, такъ чудо стряслось надъ нашимъ «мотылькомъ!»

Только черезъ три дня, и то съ большимъ и упорнымъ трудомъ, добился я, наконецъ, что Санюшка мало-по-малу начала запоминать ихъ. Ну тутъ такъ же неожиданно для меня явилось новое затрудненіе: дѣвочка *неправильно* называла эти звуки, не умѣя сливать ихъ въ слоги.

Говорю, напримѣръ, дѣтямъ слово: *мама*. Спрашиваю Сашу:

— «Изъ сколькихъ звуковъ состоитъ это слово?»

— «Изъ четырехъ»,—отвѣчала она.

— «Назови первый звукъ этого слова!»

— «Мы-ы-ы»...—тянетъ Санюшка.

— «Не такъ называешь звукъ: называй *м*, а не *мы*. Назови губами отрывисто»!—объясняю я.

Санька никакъ не могла назвать правильно этого звука; всегда у нея выходило *мы*... Такъ же неправильно почему-то стала называть и другіе согласные звуки, напримѣръ, *с*, *б*, *т*, у нея выходили *сы*, *бы*, *ты* и т. п.

Не далось ей понять и соединеніе звуковъ въ слоги и въ слова... Ставлю карточки съ буквами *а* и *м* и заставляю назвать вмѣстѣ, называетъ не *ам* а *амы*... Составляю ей слогъ изъ буквъ *с* и *о*—читаетъ *сыо* и т. п... Такъ и осталось у дѣвочки такое неправильное сліяніе буквъ (звуковъ) въ слоги.

Она читала: вы, ты, *быо*. Слово *изба* читала *изыбыа*, столъ—*сытыол* и т. д...

Вѣдь каждый учитель, полагаю, знаетъ, что сліяніе звуковъ дѣти обыкновенно усваиваютъ очень быстро, въ одинъ урокъ, особенно, если преподаваніе ведется разумно и толково. И въ своей 30-лѣтней учительской практикѣ я не встрѣчалъ не раньше, не позднѣе другого такого ребенка, который бы, будучи во всѣхъ отношеніяхъ развитъ, затруднился усвоить такой простой вещи, какъ названіе звуковъ и сліяніе ихъ въ слоги. Здѣсь прямо вліяла на дѣвочку какая-то таинственная, непостижимая сила...

И вотъ начали мы учить Саньку этой мудрости. Сколько не примѣнялъ я способовъ, какъ наглядно не объяснялъ, чтобы дѣвочка усвоила и поняла сліяніе звуковъ, сколько не старались помочь мнѣ въ этомъ ея подружки—ничто не помогло! Развитие нашей Саньки совсѣмъ даже потомъ притупилось, остановилось!

А жаль было мотылька! Я видѣлъ, какъ дѣвочка напрягала всѣ свои слабыя силы, чтобы понять наши объясненія, съ какимъ жаромъ блестѣли ея глазенки, до пота водила она пальчикомъ по буквамъ-карточкамъ, надѣясь открыть въ нихъ секретъ своихъ познаній—не помогало и это ей.

Недѣли черезъ три наши «младшія» дѣвчаты прошли уже болѣе половины звуковъ, свободно читали по книжкѣ-букварю слова, фразы и краткія статьи, одна Санька отстала отъ нихъ. Она тверди-

ла первыя страницы «букваря», но твердила наизусть, по слуху, сама не могла разобрать правильно ни одного слова... Читала безъ понятія, внѣ соображенія... Разбираетъ напр., слово «*окно*». Дѣвочка по своему произносить *окыонью*... Спрашиваешь—какое слово прочитала? Санька опять не можетъ отвѣтить! Оказывается, что изъ прочитанныхъ звуковъ она не можетъ составить представленіе о предметѣ... Не удивительное ли явленіе, дорогіе читатели?..

Письмо буквъ и диктантъ также не поняла наша Саня. Она не могла запомнить и написать ни одной изъ пройденныхъ буквъ. И замѣчательный фактъ! Дѣвочка устно разложить данное слово на составные звуки, назоветъ, хотя неправильно, каждый звукъ, а написать не можетъ ни одной буквы. Память, какъ бы на время письма и чтенія, опять оставляла дѣвочку.

Ариеметика также съ перваго же дня не далась Санькѣ. Съ трудомъ считала она устно въ предѣлѣхъ перваго десятка, но болѣе этого ученица моя ничего не соображала. Иной разъ предложишь дѣтямъ ея возраста простую устную задачу. Санька повторить содержаніе и условіе ея прекрасно, но рѣшить её, сосчитать не можетъ. Не для практическаго счета, видно, готовилась дѣвочка!..

Мнѣ до крайности жаль было этого несчастнаго ребенка! Я наблюдалъ, съ какимъ упорнымъ терпѣніемъ старается запомнить что-нибудь моя Санька. Цѣлые часы сидѣла надъ книжкой или выводила на

грифельной доскѣ каракули! Побѣгутъ дѣвчаты играть, а Саша вѣчно одна надъ своими работами. Даже игры перестали интересовать нашу крошку, веселость въ ней стала пропадать день ото-дня...

Слышаль я потомъ, что и дома Санька, какъ придетъ изъ школы, до темной ночи не отрывается отъ книжки и доски, твердить наизусть фразы или разбираетъ по своему слова.

Иногда невольно въ классѣ подойдешь къ безталанной дѣвчкѣ, обнимешь ее, приласкаешь и скажешь:

— «Ты бы, дорогая моя, побѣгала съ подружками! Довольно сидѣть тебѣ надъ книжкой!»

Ничего не отвѣтитъ мнѣ Санька, только глубоко вздохнетъ. На глазахъ блеснутъ слезинки...

Пойдетъ къ дѣвчатамъ, но не играть теперь съ ними, а сидеть гдѣ-нибудь одна въ уголокъ и смотреть... Притихъ нашъ милый «мотылекъ»!..

II.

Что сдѣлалось съ нашею Санькою? Вѣдь не такова она была съ самаго поступленія въ школу! Что сгубило ее? Мы ли не могли своими грубыми руками соблюсти, воспитать и выхолить нѣжный мотылекъ?..

Я говорилъ уже прежде, что дѣвочка умѣла бойко и живо рассказывать. Этотъ даръ остался

при ней и теперь, что меня еще болѣе заставляло удивляться. Прочтутъ, бывало, дѣвчаты въ школѣ какой-нибудь рассказъ изъ книжки для чтенія. Санька моя передаетъ содержаніе его въ точности. Да еще какъ расскажетъ!.. Съ чувствомъ, съ воодушевленіемъ, хотя бы и «старшимъ» такъ рассказать! Стало бытъ нельзя утверждать, что у нея не было способности къ ученію, но память ея была какая-то странная, не какъ у обычныхъ людей: она измѣняла дѣвочкѣ только при обученіи чтенію, письму и счету, т. е. тому, чему учить наша школа... Для школы дѣвочка эта была неспособною, безталанною... Не была она однако таковою въ другихъ отношеніяхъ.

Саня была дѣвочка глубоко-религіозная. До поступленія въ школу, какъ я говорилъ, она знала много молитвъ. Посѣщеніе храма Божія было для нея необходимымъ и любимымъ дѣломъ. А ея молитва! Посмотрѣлъ бы кто на эту дѣвочку, когда она бывала въ церкви или во время школьной молитвы! Тогда она буквально уходила въ себя. Небесно-голубые глазки ея блестѣли какимъ-то особеннымъ свѣтомъ. Она часто поднимала ихъ къ небу, вздыхала, съ чувствомъ и благоговѣніемъ крестилась, клала поклоны.

«Что ожидаетъ въ жизни эту малютку?»—невольно задавалъ я себѣ вопросъ. «Изъ нея можетъ выйти какая-нибудь подвижница!» Вообще во многомъ она меня привлекала и интересовала.

Спросилъ я однажды и своего «батюшку»:

— «Какъ учится у васъ по закону Божію младшая Александра Виноградова? Она, кажется, дѣвочка очень религіозная!..»

— «Преотлично, скажу вамъ... Она развита, смирна и религіозна... Молитвы знаетъ прекрасно, даже разсуждаетъ разумно... И, знаете ли?—слушаетъ внимательно «исторіи», какія я разсказываю «старшимъ» и запоминаетъ!..»

— Я удивляюсь, батюшка! У меня тоже дѣвочка эта хорошо умѣетъ разсказывать любя статьи изъ книжки для чтенія, но читать и писать не научилась совсѣмъ... По счисленію также слаба... Такихъ типовъ я не встрѣчалъ еще въ своей практикѣ!..

— «Не могу сказать вамъ почему... Вѣроятно, думаю, потому, что молода еще принята въ школу... Годокъ еще поучится—тогда научится и читать» — объяснилъ мнѣ батюшка.

Прошелъ еще мѣсяцъ, другой... Младшія дѣвчаты давно уже прошли всѣ звуки, изрядно читали по-русски и по церковно-славянски. Успѣхи нашей Сашки нисколько не подвинулись впередъ. Дѣвочка по-прежнему цѣлыми днями потѣла надъ книжками, также выводила каракули вмѣсто буквъ...

Я всѣ силы употребилъ, чтобы ободрить этого безталаннаго ребенка, разъяснялъ ей, толковалъ, насколько могъ...

Учили ее и подружки-школьницы...

Самъ дивился, бывало, иногда, когда видѣлъ, съ какою любовью и терпѣніемъ окружали онѣ свою непонятливую ученицу, какъ внимательно объясняли...

— «Ты замѣть лучше, Ляксушка! Смотри, какъ надо держать перо... Бери тремя пальцами, два подожми!.. Теперь пиши сама, смотри, какъ я написала!..» —учить Саньку какая-нибудь подружка...

Сталъ я потомъ замѣчать, что съ нашей Сашей произошла перемѣна. Изъ веселой и рѣзвой дѣвочки она вдругъ превратилась въ задумчиваго и вялаго ребенка. Румянецъ на ея щекахъ стало мало-помалу пропадать, глазки потускнѣли... И худѣла вся она, не по днямъ, а по часамъ...

Совсѣмъ захирѣлъ нашъ «мотылекъ»! Опустилъ крылышки, пересталъ порхать и рѣзвиться... Видно, почуялъ наступленіе злой осени!..

Замѣтила и мать ея—Аграфена, что съ дочкою ея творится что-то неладное. Думала она, что дѣвочка «заучилась»... Вишь, цѣлый день, какъ изъ школы придетъ, до темной ночи надъ книжкой сидитъ! Мало пить и ѣсть стала, сна лишилась и во снѣ-то твердить что-то непонятное и Бога поминаетъ...

Да сама-то Аграфена, къ несчастью, неграмотна была, не могла узнать—какъ усвоила дочка ея школьныя науки.

Пришли разъ по осенѣ къ Санькѣ ея школьныя подружки. Аграфена вздумала дать имъ почитать «Божественный листочекъ», одинъ изъ тѣхъ, какіе